В когтях страсти

Автор:
Кир Булычев

В когтях страсти

Кир Булычев

Веревкин #3

Всю свою сознательную жизнь Толик – уроженец города Веревкина был влюблен в Раису. Но на признания в любви девушка не отвечала. Чтобы завоевать сердце прекрасной одноклассницы Анатолий разбогател и через несколько лет вернулся в родной город. И с ужасом узнал, что любимая женщина изменилась, причем не в лучшую сторону…

Кир Булычев

В когтях страсти

От шоссе отходила дорога на Веревкин, районный центр Тульской области, некогда городок богатый, торговый, славный зерновой ярмаркой и церквами. Знаменитых людей Веревкин, правда, не дал, но воспитал немало достойных жителей.

Среди тех, кто был воспитан в Веревкине, а потом улетел, расправив крылья, в иные просторы, был и Анатолий Смольный, сорокалетний, склонный к полноте, но еще не расплывшийся коммерсант всероссийского, не побоюсь этого слова, масштаба.

В тот мартовский слякотный, метельный и при этом дождливый день он несся по шоссе из Москвы и торопил водителя Кешу, который не хотел торопиться, боясь

погубить шефа. И телохранитель Харитон, кстати, из тех же мест, что и шеф, сидевший рядом с водилой, был того же мнения. Анатолий сердился на своих слуг, но ничего поделать не мог. В России дворня всегда имеет собственное мнение и навязывает его барину.

Чтобы не сердиться на спутников и не повышать содержание адреналина в крови – доктор не велит, – Анатолий вытащил ксерокопию газетной статьи, которая, возможно, изменила его жизнь.

Статья была из центральной газеты, в ней говорилось о том, что после выведения в Англии овечки Долли многие ученые во всем мире принялись выводить что ни попадя. То есть клонировать.

Для необразованных, например, для Харитона, приходилось объяснять, что клонирование значит сделать себе точную копию. Скучно тебе на свете без близнеца – заказал близнеца, сделали тебе близнеца. Один в один, из твоей клетки – больше никто не вмешивается. По большому счету, как бы ты еще раз. А другие, например, из Минобороны, смогут сделать генерала Лебедя в ста экземплярах, тогда держись, Афганистан или Жириновский – смотря на кого генералы коллективно как бы будут наступать.

Харитон при таком объяснении долго думал, проталкивал мысли сквозь узкие сосуды головного мозга, потом спросил:

– А они как, сразу в кондиции будут?

Шеф не понял, в какой кондиции. Переспросил.

Харитон сказал:

– Ну вот, ваш близнец, шеф, он такой же, как вы, в среднем возрасте родится?

– Ну, ты даешь! – рассмеялся шеф. – Ну какая, прости, телка меня родит в таких моих масштабах?

– Ну, может, в банке вас будут выращивать?

– Смешно.

– Может, слониха родит или моржиха? – Харитон долго смеялся, Кеша тогда тоже смеялся, а шеф задумался. Потом велел секретарше Марлен вызвать к нему доктора наук, а может, академика для консультации, но чтобы не заломил.

Профессора привезли, шеф уделил ему полчаса своего драгоценного времени. Допрашивал.

Марлен и другие удивлялись – зачем это шефу?

К тому времени уже все в конторе, на которой было написано неграмотное слово «офис», знали, что если ты хочешь поиметь близнеца и продлить свое существование в полной мере, то женщина, которой предстоит эту копию родить, может родить только новорожденного. И он никогда не станет твоим настоящим близнецом. Поэтому, оказывается, наше Минобороны относится к клонированию спустя рукава – зачем клонировать солдат и ждать двадцать лет до призыва, если можно зачинать и рожать их обычным способом, путем любви?

Но по выходе профессора из кабинета Анатолий Смольный сильно задумался. Так задумался, что опоздал на встречу с монгольскими компьютерщиками. Он что-то бормотал себе под нос, уехал с середины ленча-презентации мисс вице-грудь города Солнцево под патронажем лично Ахмета Гориллы и даже не извинился.

Анатолий возвратился в свой новый престижный дом в самом конце Ленинского проспекта, в котором купил этаж, как раз под этажом, который купила певица Кристина Орбакайте. Потом он выгнал челядь, налил себе стакан виски «Чивас ригал» сорокалетней выдержки, открыл золотым ключиком заветный инкрустированный комод и достал потрепанный альбом, в котором хранилась память о его детстве и юности.

Фотографии были мелкие, нечеткие, сделанные большей частью фотоаппаратом «Комсомолец».

Анатолий листал альбом и разглядывал фотографии, сначала не задерживаясь на самом себе, лежащем на животике в годовалом возрасте с улыбкой во всю физиономию, затем, когда хронология подошла к школьным годам, стал

смотреть медленнее, вглядываясь в горошинки лиц на групповых снимках.

Раису он отыскал на одной групповой фотографии, снятой после окончания шестого класса. Раису можно было угадать по косе, перекинутой вперед через плечо, а вот самого себя Анатолий узнал с трудом, потому что он был худшим вариантом подростка – слюнявый, прыщавый, пучеглазый и глупый.

Другая фотография, на которой он отыскал Раису, относилась к восьмому классу. На ней были сняты участники лыжной вылазки. Так назвал свой урок на свежем воздухе Варпет, старейший физкультурник Москвы. Он был чемпионом Карса по вольной борьбе в 1916 году, затем боролся за независимость Армении, потерпел поражение и всю последующую жизнь скрывался в Москве. Вот он стоит: в центре снимка, вместо лыжных палок костыли, ноги он еще в Гражданскую потерял, но никто над ним не смеялся, а то схлопочешь костылем по шее.

Справа от Варпета, глядя на него влюбленно, как женщины смотрят на героев, стоит Райка, уже почти красавица, только еще худая как палка. Но даже на этой измельченной фотографии видно, что у нее глаза-озера, тяжелая коса и под свитером появилась пока еще небольшая грудь.

А дальше, по краям, стоят остальные одноклассники. И Анатолий, незаметный и некрасивый, с самого фланга.

А третью фотографию Раисы Анатолий украл. Райка подарила ее паршивцу Борьке Губерману, который потом предал Родину и слинял в Израиль. А в классе он был физиком и химиком, правда, списывать у него было бессмысленно: и физичка, и химичка сразу видели, что списано у него, потому что Борька делал все за пределами школьной программы.

На обороте фотографии, маленькой, паспортной, не очень похожей, было написано: «Если нравится – храни, а не нравится – порви. Надеюсь на милость. Твоя неверная Раиса».

Вся эта подпись была сплошной загадкой. Почему Раиса была неверной? Значит ли, что она сначала была верной и что-то имела с Борькой на сексуальной почве, а потом на этой почве имела с кем-то еще?

Борька носил фотографию в верхнем кармане куртки, даже вынимал при людях, чтобы полюбоваться, – устраивал демонстрацию!

Так что, когда Борька снял куртку в гостях у Назарова и повесил на спинку стула, вытащить фотографию оттуда для Анатолия труда не составило. А раз на обороте не было написано, чьих милостей ждет Раиса, то Анатолий считал, что он и есть ее тайный избранник.

Райке было трудно учиться в школе. Уж очень всем хотелось в нее влюбиться, и даже больше. У нее в глазах был вечный призыв и на губах обещание поцелуя, она ходила так, что вроде и прилично, а на самом деле требовала, чтобы с нее сорвали одежды. Хорошо еще, что Веревкин – город тихий, все всех знают, приезжих мало, беженцев почти нет, так что на улицах на Раису не кидались. Да и отец у Раисы был отставным сержантом ОМОНа и знал приемчики. Так что влюбляться – влюбляйся, а рукам воли не давай.

Но что характерно: она сама давала своим рукам волю.

Незнакомым людям, даже женщинам, Райка казалась ангелом. Лицо ее было доверчивым и открытым, глаза чуть близорукими, растерянными, беззащитными, молящими о заботе. Требовался второй взгляд, а то и четвертый, чтобы женщина осознала опасность, как слабый зверек перед пантерой, которая отнимет у тебя самца, хочешь ты того или нет, нужен он пантере или понравился на минутку.

У Раиски слишком блестели ярко-голубые очи в черном частоколе ресниц, и слишком алели губы, не требующие никакой помады, и слишком часто вздымалась, вздрагивала высокая грудь, словно Раиска остановилась после горячего бега, хотя на самом деле она лишь вытянула, сидючи на стуле, бесконечно длинные, но не тонкие, упругие и прямые ноги.

Вкусы Райки были непредсказуемыми и нелогичными. Вечером, после уроков, уборщица Клава застала ее в физкультурном зале на мате с второгодником и дураком Петушком Ветриловым по прозвищу Жеребец. И этим было все сказано.

Жеребец хотел стать чемпионом мира по штанге или культуризму, и ему некогда было уделять время юной любовнице. Он тренировался и прятался от красавицы, а она сходила с ума, потому что он ей не давался, преследовала его, пока собственный отец ее не выпорол. Как ни странно, она всегда робела перед

силой и легко отказывалась от добычи. Весной в девятом классе она забралась по водосточной трубе в комнату физкультурника Варпета, когда он отдыхал, сняв протезы и вынув зубы.

Старик пытался сопротивляться, но потом сдался, потому что даже в столетнем возрасте трудно устоять перед сексуальным водопадом. Раиска осталась у физкультурника на ночь, и утром ее пришлось выводить от него силой. Отец снова выпорол девочку. Варпету пришлось уйти на пенсию, а Райка сделала свой первый аборт.

Потом она влюбилась в Борю Губермана. Раиска не умела притворяться. Она влюблялась всегда безумно, по прекрасные ушки, и не ведала преград на своем пути. Боря тоже полюбил Райку и решил бросить десятый класс и свои надежды на получение Нобелевской премии ради того, чтобы работать грузчиком и обеспечивать свою с Райкой семью.

К счастью, отец-омоновец выпорол Райку, а в Борю Губермана, который проводил холодную дождливую ночь под окном невесты, запустил каминной решеткой. Борю отвезли в больницу, где с ним случилась амнезия, он забыл о любви и вспомнил о физике. Считайте, что ему повезло.

Другим повезло меньше.

Гога Эксгуменидзе пытался из-за Раиски повеситься, а когда его откачали, но Раиска не раскаялась, он уехал в Приднестровье и погиб там, защищая дачу секретаря обкома.

Анатолий во всех этих горячих событиях участия не принимал, потому что был незаметным мальчиком, средним, даже ниже среднего, учеником. И внешне не производил впечатления. А Раиса относилась к тем женщинам, которых Пушкин припечатал выражением: «Они любят ушами». Если о мальчике или мужчине не говорили, она его не замечала или замечала с трудом.

Анатолия она не замечала.

Он был на полголовы ниже ее.

Он рано начал лысеть, не выделялся физической силой и никак не блистал умом.

Анатолий был влюблен в Раису несколько лет. Безнадежно, но упрямо, потому что был уверен – в конце концов он ее добьется, даже если для этого придется перейти на лыжах через Северный полюс или взлететь в космос.

Его не звали на полюс и в космос.

Анатолий как-то сказал Раисе:

– Выходи за меня замуж, я тебя буду любить.

– А ты дурак, Смольный. Ты ведь ни рылом, ни умом не вышел.

– Берегись, Райка, – сказал он.

Раиса поглядела на него сверху вниз – она уже вытянулась, почти на голову стала выше Анатолия. У Раисы была одна любимая книга, необычная для девушек, которые могут полюбить «Анну Каренину» или про счастливую любовь. Раиса любила «Записные книжки» писателя Ильфа. Или Ильфа и Петрова. Это неважно.

– Утри нос, – сказала она Анатолию. – В соплях запутаешься.

Это была цитата. Анатолий не угадал, потому что у него любимой книги не было, не увлекался.

Анатолий отошел и стал планировать.

Слова Раисы и несбыточное сексуальное влечение к ней переломили его жизнь. С того несчастного дня Анатолий отверг пустые увлечения юности, бросил футбол и карты, перестал давать в долг без процентов, стремился к аттестату зрелости, лишние деньги откладывал – хотя какие могут быть лишние деньги у веревкинского юноши из неблагополучной семьи?

В своих мечтах, которые особенно мучили, когда просыпаешься, Анатолий становился страшно богатым, возвращался в родной городишко на черной

«Волге», весь в кожаном пальто, а может, в мундире генерал-майора. Раиска, узнав о его приезде, выбегает на дорогу и машет ему рукой: мол, остановись, я подумала, приняла решение, я твоя невеста, твои желания – мои желания, мое тело – твое тело…

Но потом наступало протрезвление, и Анатолий знал, что его мечты – пока еще фикция. А время идет, и с каждым днем мечта настоящая, Раиса, отдаляется и вот-вот попадет в чужие руки.

И пока Анатолий копил деньги, занимался с гантелями и учил английские слова – причем не по системе, а так, урывками, то начнет, то бросит, – угрозы вокруг Раиски становились все темнее, как грозовые тучи.

Она шла в Дом культуры часов в шесть вечера, в летний светлый день, когда ее догнал «газик», в котором ехал Хаменко, бригадир совхоза имени Второй очереди Московского метрополитена, человек могучий, потому что держал в совхозе подпольный цех по выращиванию каракулевых овец и драл с них шкуры, а в подполе этого цеха, о чем не знали даже его сообщники, находился бассейн с подогреваемой морской водой. Там в специальных садках мирно дремали жемчужные раковины, в которых зрели драгоценные шарики. По пятницам к совхозу подкатывал джип из канадского посольства. Полковник конной полиции Смит, работающий в Москве под псевдонимом Иванов, забирал шкатулку с товаром и в условном месте, под корягой, оставлял пластиковый пакет с долларами.

Всего этого Раиса знать не могла. При всей изысканности своего тела она оставалась простой веревкинской девушкой, средних способностей, доброго, в сущности, нрава. Правда, она не ощущала свою красоту как проклятие. Ей нравилось смотреть на себя в зеркало.

Знать она ничего не знала, но любой человек в Веревкине сказал бы, что Жора Хаменко, Георгий Филиппыч, большой человек в районе. Когда он проезжает по улице Ленина, секретарь райкома Мария Семеновна подходит к открытому окну и отдает Хаменке честь. Это многие видели.

Хаменко ехал по улице, думая о своих делах, и тут увидел спину девушки, одетой попросту, как многие в русском городке, – в футболку с надписью «Долой СПИД» на английском языке и в джинсах «Версаче». Нет, не наряд привлек

внимание Георгия Филипповича, а толстая коса до пояса, длина стройных ног, изумительные по округлости ягодицы, да и сама легкая походка Раиски.

Хаменко сам сидел за рулем.

Так что даже не надо было давать распоряжений.

Он обогнал Раиску, тормознул и спросил:

– Подвезу?

– А пошел ты! – просто ответила Раиска, которая не выносила, чтобы к ней на улице приставали незнакомые старые мужики. А Хаменко ей показался совсем старым – ему тогда уже было за сорок. Недалеко, но за сорок.

– Я Хаменко, – сказал он.

Как назло, а может быть, по высшему велению судьбы Анатолий Смольный в этот момент проходил по той же улице Ленина, по другой ее стороне, с тайной надеждой на то, что Раиска посмотрит в его сторону и наградит своей лучезарной улыбкой.

– Вижу, что не Достоевский, – ответила Раиска.

– Жемчужные бусы хочешь? – спросил Хаменко.

– Не от тебя, – ответила Раиска.

– Получишь от меня, – сказал Хаменко. – Мне еще никто не отказывал.

– Я откажу, – сказала Раиска, так покачивая бедрами, словно ее учили этому в султанском серале. На самом же деле выше школьной самодеятельности Раиска не поднималась. Потому что, по сути дела, была лентяйкой.

– Я их выращиваю, – сказал Хаменко.

– Где же у тебя жемчужное дерево растет?

Раиска не шутила. Ей и в самом деле казалось, что жемчуг растет на специальных деревьях. Хаменко расхохотался.

– Поехали, поехали, – сказал он со смехом, – посмотришь на дерево.

И тут надежды Анатолия, который глядел на эту сцену из-за тополя, на то, что девушка скажет свое твердое «нет» домогательствам старого развратника, лопнули.

– Только чтобы руки не распускать, – сказала Раиска и легко вспрыгнула в «газик».

«Газик» рванул вдоль по улице, и последние слова, что донеслись до Анатолия, звучали так:

– К девяти привезешь меня обратно, а то отец убьет.

– Со мной не тронет.

– Дурак, он и тебя убьет.

Тут они начали смеяться, и Анатолий остался в облаке серой пыли.

Что между ними произошло, Анатолий так и не узнал. Но на следующий день Раиска пришла в школу в жемчужных бусах почти до пупа, правда, никто в школе не мог отличить настоящий жемчуг от пластикового.

Хаменко ждал Раиску у школы с букетом роз, презрев общественное мнение. Он был ей как раз по плечо, но вдвое шире – он был похож на сейф, а волосы совершенно черные, прямые, на пробор, лицо прижатое, из мелких черт под покатым лбом. Некрасивый. Анатолий куда привлекательнее.

Вся школа смотрела, кто из окон, кто со двора.

Он отдал Раиске цветы, потом поцеловал ей руку – вся школа видела, как поцеловал руку, считай, что город будет знать к вечеру. Повел ее к «газику», и Раиска громко сказала:

– У тебя что, на «Волгу» денег нету?

В девять Хаменко привез ее домой, чтобы отец не сердился. Отец еще не знал, сидел с утра дома, опохмелялся, а мать хоть и знала, но молчала – всех боялась.

Анатолий схоронился под сиренью у них в палисаднике.

Он слышал, как подъехал «газик», как хлопнула дверь. Ему было плохо от ревности, даже тошнило. Он хотел убить этого Хаменку, но если убьешь, то пойдешь под суд, и тогда прости-прощай любимая Раиса!

Хаменко подвел Раису к двери.

– Как тебе? – спросил он.

Раиска не ответила, а стала целоваться. Она вздыхала, пускала горячий воздух ноздрями и руками совершала неприличные жесты, так что Хаменко сказал:

– Пошли ляжем в канавку, а то я не удержусь.

Раиска захохотала и побежала в палисадник.

Хаменко стоял в тени забора, все пытался закурить, руки у него тряслись, он грубо матерился, но почти беззвучно. Только Анатолий слышал и размышлял – как бы сейчас убить Хаменку? Но нечем было его убить.

Было тепло, почти жарко, воздух был неподвижен, гудели комары. Анатолий сидел в кустах под окном Раисы, в занавеске была щель, он смотрел в щель, как Раиска не спеша готовится ко сну. Она стянула через голову платье, совсем легкое, голубое, осталась в одних кружевных трусиках – ничего больше не носила.

Анатолий думал, что завоет от желания.

Он бы комаром влетел в щель и касался бы ее крылышками. Или кусал бы, пил кровь.

Раиска все не ложилась спать, а уселась перед столиком, на котором стояло зеркальце, и стала себя рассматривать. Она всю себя рассматривала по деталям, с удовольствием. Анатолий вместе с ней осмотрел. Словно в глазах у него были сильные линзы и они позволяли видеть даже поры в коже.

Анатолий в тот день заболел Раиской окончательно, на всю жизнь. До этого он был в нее влюблен, а теперь был ею болен.

Это случалось с людьми.

Это случилось вскоре с Хаменкой, но Анатолий не думал о Хаменке, он приклеился к щели в занавеске, а Раиска, которой надоело собой любоваться, поднялась и, проведя ладошками по бедрам, скатала трусики в колбаску и, опустив до колен, приподняла ноги по очереди и сняла трусики. Она провела ладонями по грудям, по животу, ей нравилось ощущение своего тела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kir-bulychev/v-kogtyah-strasti

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити